

Др я в щ я Др я в о с л я в ш

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:

1	Летопись единоверческой жизни	1
2	Древнерусское благочестие. <i>Архидиакон П. Алеппский</i> . Путешествие Патриарха Макария в Россию в половине XVII века	12
3	История Единоверия. <i>Главы из книги Н. П. Зиминной «Путь на Голгофу»</i>	15
4	Литературная страница. <i>И. С. Шмелев</i> . «Праздники-радости». Ведущий рубрики — М. Душин	19
5	Богослужения в единоверческом храме Архангела Михаила в феврале 2006 года	24

ДЕТОПИСЬ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ



Крещенская ночь

СВЯТКИ В МИХАЙЛОВСКОЙ СЛОБОДЕ

Пятый год на следующий день после праздника Рождества Христова 26 декабря/8 января в день Собора Пресвятой Богородицы учащиеся воскресной школы единоверческого храма Архангела Михаила устраивают праздничный концерт для духовенства, родителей и прихожан нашей церкви.

Третий год подготовкой и организацией детского праздника занимаются выпускники первого набора воскресной школы Анастасия Краева и Григорий Баженов. На этот раз к традиционным уже поэтическим и музыкальным выступлениям добавилась художественная выставка работ учащихся воскресной школы на тему Рождества Христова, в подготовке которой приняла самое активное участие Светлана Владимировна Александрова, правнучка старейшины Михаило-Архангельского единоверческого общества Павла Стефановича Жагина, почившего в 1921 году и праправнучка старосты нашего храма Стефана Никитича Жагина (1853—

1914). Как замечательно, что потомки ревнителей благочестия нашего храма вновь усердно трудятся ради его будущего — нового поколения прихожан!

Программа праздника в нынешнем году была составлена очень хорошо. Умилительные песнопения и стихотворения самых младших участников концерта сменились серьезными музыкальными номерами — пятеро участников показали возросшее за год умение игры на фортепиано. За музыкальными номерами следовали повествования в прозе и поэтические выступления старших воспитанников воскресной школы. Глубокий христианский смысл этих произведений заставил задуматься о многом и взрослых и детей.

А в конце праздника всех его участников ожидали Рождественские подарки, ставшие наградой детям за их труды. Ниже предлагаем вниманию читателей фоторепортаж об этом событии приходской жизни храма Архангела Михаила.



Выступление самых младших участников праздничного Рождественского концерта.

Слева направо: Володя Душин, Маша Коршунова, Аня Краева, Катя Баженова, Варя Краева,
за фортепиано Александра Краева





Катя Баженова



Кирилл Колесников



Зрители и участники праздничного Рождественского концерта

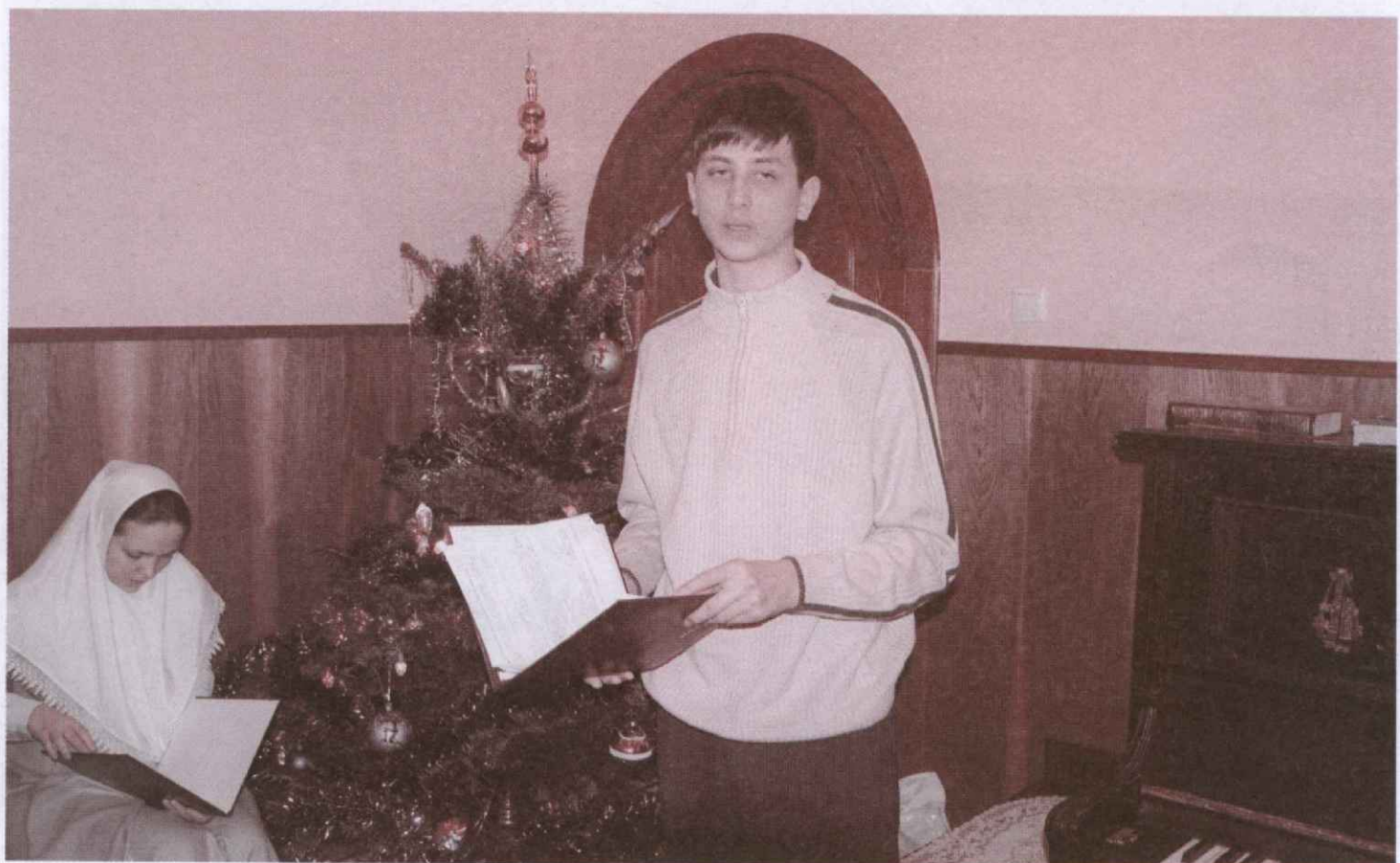




Георгій Перельгин



Іоанна Колесникова



Ведущие и организаторы праздничного Рождественского концерта,
воспитанники Воскресной школы храма Архангела Михаила Анастасия Краева и Григорий Баженов



СВЯТОЕ БОГОЯВЛЕНИЕ ГОСПОДНЕ В ЕДИНОВЕРЧЕСКОМ ХРАМЕ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА

В СЕНОЩНОЕ бдение праздника Богоявления Господня в нынешнем году совершалось вечером. А в полночь было решено служить полунощницу и молебен с каноном Богоявлению и особым водосвятным чинопоследованием, положенным на этот двенадцатый праздник.

Молебен совершался с особым торжеством. Попеременное пение клиросами замечательных древних ирмосов *Глубине открыл есть дно*, наверное самых красивых из всего годового круга Богослужений, предваряли чтение песней канона. Канон читал настоятель храма Архангела Михаила священноигумен Иринарх. Запевы как и ирмосы пелись также попеременно клиросами на седьмой глас.

После прочтения шестой песни канона и исполнения по крюкам кондака праздника, было прочитано Евангелие и пропета стихера *Бог Слово*, положенная для исполнения на утрени по пятидесятом псалме. После этой стихеры духовенство, выходя из северных диаконских дверей Георгиевского алтаря запело первую стихеру чина водосвятия *Глас Господень на водах вопиет глаголю*. Отец настоятель вынес при этом на главе Святой Крест, положенный на позолоченное блюдо. Перед отцом настоятелем шли священносец и диакон, кадивший Крест. Сошедшиеся на сходе клироса мощно подхватили проникновенное песнопение восьмого гласа, повторили его во второй раз, а в третий пели по крюкам.

За диаконским возгласом *Вонмем* последовало чтение трех паремий из пророка Исаии, глубокий смысл которых особенно явственно ощущается именно в эту таинственную ночь Крещения Бога Слова в водах Иордана. Святой пророк говорит одновременно и о буквальных и прообразовательных событиях, возвещая и о спасении человечества пришествием Сына Божия и о имевшем случиться событии Богоявления Господня на Иордане — *Тако глаголет*

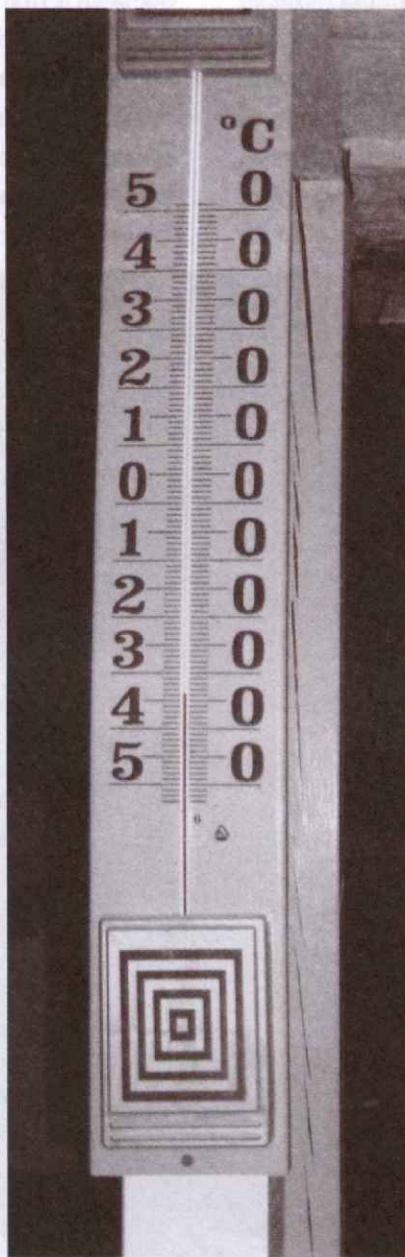
Господь: возвеселися пустыня жаждущая, и да возрадуется пустыня и да процветет яко крин... И людие мои узрите славу Господню, и высоту Божию. Сам придет и спасет нас. Тогда отверзутся очи слепым, и уши глухих услышат. Тогда скочит храмыи яко елень, и ясен будет язык гугнивых... Се языцы, яже не ведят Тебе, призовут Тебе. И людие, иже не разумеют Тебе, к Тебе прибегнут... Тако глаголет Господь, почерпите воду с веселием, от источник спасеных. И речеши в день он, пойте Господа, воспойте имени Его.

После паремий — апостол к Коринфам и чтение Святого Евангелия от Марка. За Евангелием следует длинная ектения, в прошениях которой следует прилежное моление к Богу об освящении воды. Во время ектении диакон одновременно кадит водосвятную чашу, а священник читает тайные молитвы, предшествующие водосвятию.

И вот водосвятие: запевая тропарь Богоявлению *Во Иордане крещаются Господи*, отец настоятель погружает Святой Крест в водосвятную чашу и другие сосуды в храме, наполненные водой для освящения. Объединенный клирос на сходе допевает тропарь. Так повторяется трижды, а после этого — продолжение канона и окропление всех молящихся святой водой.

В третьем часу ночи заканчивается торжественное Богослужение и собравшиеся богомольцы в чинном порядке набирают святую воду. Но многие не покидают храм, ожидая традиционного для этого дня купания

в Крещенской Иордани. Три года назад попечитель Михаило-Архангельского единоверческого храма Михаил Георгиевич Гаглоев приобрел для этой цели разборной бассейн, что позволяет желающим погрузиться в Крещенские воды недалеко от храма.



В Крещенскую ночь столбик термометра опустился до 35 °С ниже нуля



В этом году знакомое даже нецерковным людям выражение «Крещенские морозы» стало совершенно реальным в праздничную ночь. Столбик термометра опустился до 35 °С ниже нуля и при такой низкой температуре дул еще неприятный пронизывающий ветер. Слова праздничного икоса — *Всей Вселенной возсияет заря Солнце Правде. Темже иже от Адама нази, приидите облечемя в Онь, да согреемя* словно показывали, что Всесильный наш Господь действительно согревает нас и духовно и телесно.

Купель была установлена на этот раз в «летнем», неотапливаемом храме, чтобы защитить желающих

окупаться в Богоявленскую ночь хотя бы от ветра. И многие богомольцы, несмотря на лютый мороз остались верны обычаю, погрузившись в ледяную воду Иордани в день, когда крестился наш Спаситель.

А в то время, когда проходило Крещенское купание, отец настоятель с певчими вдохновенно пели по очереди стихеры минувшего всеобщего бдения.

Купание закончилось около 4 часов утра и верующие разошлись на короткий отдых, чтобы вновь собраться в храме к семи часам утра для продолжения Богослужения — совершения праздничной Божественной Литургии.



Водосвятие в ночь на Богоявление Господне



РУКОПОЛОЖЕНИЕ ДИАКОНА И. И. МИРОЛЮБОВА

7/20 ЯНВАРЯ сего года исполнилось 50 лет Иоанну Иоанновичу Мирюлюбову, однако почти за месяц до этого в его жизни произошло событие, важнейшее, чем юбилей 12/25 декабря 2005 года, — он был рукоположен во диакона митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом.

По ходатайству митрополита Кирилла, утвержденному Управляющим Московской епархией митрополитом Крутицким и Коломенским Иувеналием, в ближайшие три месяца диакон Иоанн будет проходить служение в единоверческом храме Архангела Михаила и нам хотелось бы подробнее рассказать о нем.

затем старшим инженером предприятия «Вилнис». В 1981 Иоанн Иоаннович был направлен РГСО на обучение в Ленинградскую духовную семинарию, которую окончил в 1983 году. В 1992 году окончил Московскую духовную академию. В 1993 году после защиты диссертации Советом МДА ему была присвоена степень кандидата Богословия. Ученым советом Латвийского университета в 1994 году присвоена степень доктора теологии.

В 1984 году был избран духовным наставником РГСО, а в 1995 году — старшим духовным наставником РГСО. После раскола в РГСО в 2002 году стал наставником «РГСО в изгнании», объединяющей группу при-



Иподиакон И. И. Мирюлюбов и певчие единоверческого храма Архангела Михаила — чтец Н. Махамет, А. А. Щербанов и Д. Каспирович в Смоленске. Фото М. Тюренкова

Диакон И. И. Мирюлюбов родился в 1956 году в городе Риге в семье потомственных старообрядцев. Основам церковных знаний обучался вместе с братом у деда Евфросина Яковлевича, бывшего законоучителя и головщика Рижской Гребенчиковской старообрядческой общины (РГСО).

После окончания средней школы, он поступил в Рижский политехнический институт, который окончил в 1978 году и в нем же трудился научным сотрудником, а

хожан (около 300 человек), желающих восстановить полноту Святых Таинств.

В 1989—1994 и 1997—2001 годах Иоанн Иоаннович избирался председателем Центрального совета Древлеправославной поморской церкви (ДПЦ) Латвии, председателем Международного координационного совета ДПЦ стран Балтии, Польши и Беларуси, был редактором церковного календаря ДПЦ, ректором старообрядческого духовного училища.

Иоанн Иоаннович Мирюлюбов был присоединен к РПЦ через Святое Миропомазание настоятелем Михайло-Архангельского единоверческого храма села Михайловская Слобода священноигуменом Ирinarхом.

В ноябре 2004 года Иоанн Иоаннович переезжает из Риги в Москву для служения в Отделе внешних церковных связей МП РПЦ. 28 июня 2005 года он на-

значается секретарем Комиссии по делам старообрядных приходов и взаимодействию со старообрядчеством при ОВЦС.

Сердечно поздравляем диакона И.И. Мирюлюбова с рукоположением и недавним пятидесятилетним юбилеем и предлагаем репортаж Михаила Тюренкова, присутствовавшего в Смоленске на богослужении, во время которого совершилась хиротония.

АКСИОС! АКСИОС! АКСИОС!

12/25

ДЕКАБРЯ 2005 года в кафедральном Успенском соборе города Смоленска за Божественной Литургией Высокопреосвященнейшим Кириллом, митрополитом Смоленским и Калининградским, по текстам старых богослужебных книг, изданных при первых пяти московских патриархах, в диаконский сан был рукоположен известный деятель современного Единоверия Иоанн Иоаннович Мирюлюбов. Накануне владыкой Кириллом он был поставлен во все предшествующие диаконству церковные степени: священосца, чтеца и иподиакона.

Священнодиакон Иоанн, перешедший в лоно Русской православной церкви старший наставник Рижской гребенчиковской старообрядческой общины (безпоповцев-поморцев), на протяжении более полугода является секретарем комиссии Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата по делам старообрядных приходов и взаимодействию со старообрядчеством. Комиссия была создана на основании

определения Архиерейского собора Русской православной церкви 3—8 октября 2004 года. Её состав утвержден определением Священного синода Русской православной церкви 20 апреля 2005 года. В состав комиссии входят архиепископы Можайский Григорий, Херсонский и Таврический Ионафан; епископы Тираспольский и Дубос-

сарский Юстиниан, Полоцкий и Глубокский Феодосий, Брянский и Севский Феофилакт, Нижегородский и Арзамасский Георгий, а также клирики Русской православной церкви и сотрудники Отдела внешних церковных связей.

К ведению упомянутой комиссии относятся вопросы развития добрых отношений и сотрудничества со старообрядческими согласиями, особенно в области духовно-нравственного, культурного и патриотического воспитания, изучения и восстановления исторического и культурного достояния, а также содействие издатель-

ской, образовательной, культурной и иной деятельности старообрядных (единоверческих) приходов Русской Православной Церкви. Во всех этих вопросах священнодиакон Иоанн Мирюлюбов является помощником председателя Комиссии Высокопреосвященного митрополита Кирилла.

В настоящий момент диакон Иоанн Мирюлюбов проходит Богослужебную практику в единоверчес-

ком приходе Архангела Михаила села Михайловская Слобода, община которого достаточно давно и хорошо знает отца священнодиакона и высоко ценит его труды на ниве возрождения Святого Единоверия.

Многая и благая лета священнодиакону Иоанну!



Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл и диакон И.И. Мирюлюбов. Фото М. Тюренкова



МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

«100-ЛЕТИЕ ИЗДАНИЯ ВЫСОЧАЙШЕГО УКАЗА «ОБ УКРЕПЛЕНИИ НАЧАЛ ВЕРОТЕРПИМОСТИ» И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЕДИНОВЕРИЯ И СТАРООБРЯДЧЕСТВА»

Доклад В.И. Карпеца, кандидата юридических наук, писателя-историка, члена Союза писателей России.

Государь, Церковь, Единоверие.

(Историко-правовая оценка Указа Императора Николая II от 17 апреля 1905 года

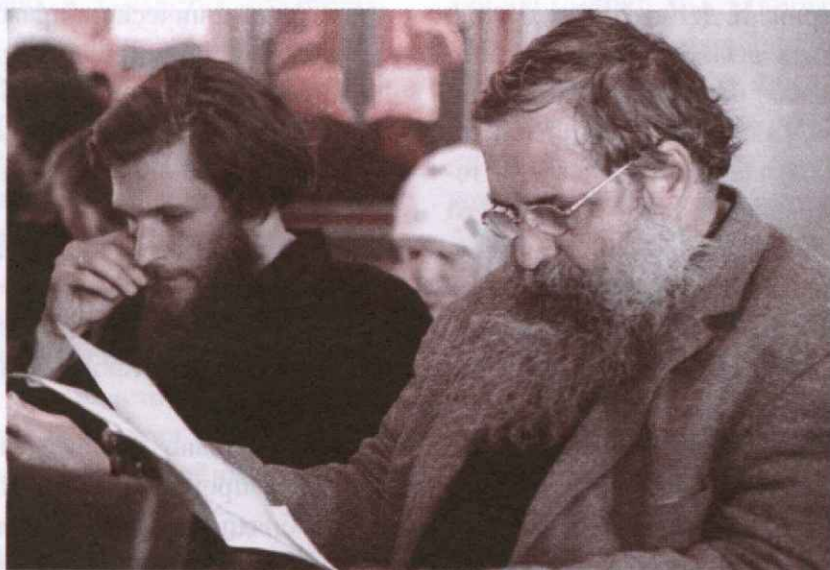
«Об укреплении начал веротерпимости»)

Указ Императора Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 года в определенном смысле увенчивал поиски преодоления раскола Русской Церкви и народа середины XVII века, которые предпринимались Верховной властью Российской империи, начиная с именного Указа о введении Единоверия Императора Павла от 1800 года. На этом пути были как успехи, так и неудачи. Насильственная смерть императора Павла сделала невозможным доведение до конца им задуманного (а ранее начертанного создателем церковной идеологии Единоверия — иноком Никодимом) единства в таинствах (прежде всего Святой Евхаристии) и обречения старообрядческого епископата в лоне самой Греко-русской церкви. Это, а также нежелание значительной части Синода и епископата решать вопрос о снятии клятв Собора 1666—1667 гг. — деяние, окончательно совершенное только Поместным Собором РПЦ 1971 года — способствовало сохранению и даже усилению отчуждения разделенного русского православного народа. В то же время сам по себе факт введения Единоверия изменил отношение к оценкам истории, особенно в университетских и академических кругах, что привело к появлению фундаментальных научных

трудов, прежде всего Н. Ф. Каптерева, в которых доказывалась древность и абсолютная православность всех старых русских обрядов, а следовательно, необходимость церковной реформы. В конце XIX века меняется отношение к русской старине, культуре, искусству, что отражается даже на внешнем облике императоров. Император Николай II уже прямо стремится восстановить внутреннюю связь со старомосковским Православием, что было невоз-

можно без примирения со старообрядчеством. Лично император Николай II стремился к народной монархии, к преодолению «средостения» между Царем и народом, что практически не разделялось ни самой династией Романовых, ни тем более придворными кругами и бюрократией, идеалом которой был либо абсолютизм Петровского типа, либо консти-

туционная «монархия» европейского образца. Старообрядцы как раз и могли стать истинной опорой чаемой новой — на самом деле, очень древней — монархии. В книге «Отречение Николая II» приводятся слова, которые Государь сказал в 1917 году приехавшим требовать от него отречения государственным изменникам: «Если надо, чтобы я отошел в сторону для блага России, я готов на это, но я опасуюсь, что народ этого не поймет: мне не про-



В.И. Карпец (на переднем плане) во время работы конференции



стоят старообрядцы, что я изменил своей клятве в день Священного Коронования...»

В 1903 году царь созвал Особое совещание по проблемам старообрядчества, на котором впервые услышал от самих старообрядцев всю правду о двух с половиной вековых преследованиях. Тогда же было принято принципиальное решение о распечатывании алтарей Рогожского кладбища.

В то же время Николай II оказался заложником судьбы прежде всего самой династии Романовых, еще в XVII веке переориентировавшей всю сначала внешнюю, а затем и внутреннюю политику государства исключительно на Европу, причем Европу новую, уже пронизанную антихристианскими излучениями позднего Ренессанса, а затем так называемого Просвещения. Православная природа власти после Собора 1666—1667 гг., и особенно реформ Петра I (упразднение Патриаршества, учреждение Синода, смена календаря и прочее), оказалась под сомнением. Российская политико-правовая доктрина в том виде, в каком она сложилась к середине и концу XIX века (Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин и другие) была попыткой совместить несовместимое — самодержавный строй и правовое оформление индивидуализации субъекта права, равно как и внедрение договорной или в лучшем случае психологической теории государства. В сознании подавляющего большинства бюрократии и юридической профессуры господствовали так называемые «принципы 1789 года». Парадокс заключался в том, что даже основной ревнитель русского государственного устройства обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев придерживался принципов так называемого частного права и был автором проекта Гражданского кодекса, фактически заимствованного из новоевропейских источников. Единственным выходом из исторического тупика для императора был выход жестко силовой — в духе насильственной «ротации элит» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако он предпочел личную мученическую смерть. Взятие на себя и предание Богу исторического греха династии.

В этих условиях правовое оформление воли императора оказалось в руках лиц, целиком находящихся под влиянием иноприродной политико-правовой идеологии. К таковым относился граф С. Ю. Витте, непосредственный автор как самого Указа о веротерпимости, так и последовавшего за ним Манифес-

та 17 октября, фактически уже упразднившего в России монархию (положение Манифеста о том, что «Император законодательствует вместе с Государственной думой» в реальности делало царскую власть «скорлупой пустого ореха»).

Истинно положительным, подлинно царственным актом был именно Указ о распечатывании алтарей Рогожского кладбища от 16 апреля — накануне Указа об укреплении начал веротерпимости. Этот Указ открыл так называемый золотой век старообрядчества 1905—1917 годов, частью которого был и предреволюционный взлет Единоверия. С точки зрения строго православного и монархического подхода, за этим актом должен был бы последовать указ не о «веротерпимости», а о возложении одинаковых правообязанностей на членов господствующей Греко-российской церкви и «глаголемых старообрядцев». Именно и только старообрядцев, а не представителей неправославных исповеданий — и тем более не сектантов должен был касаться Высочайший Указ, после которого император смог бы в соответствии с каноническим правом начать подготовку к церковному примирению приверженцев старого и нового обрядов и общему Поместному собору (возможно, с участием восточных патриархов) по снятию клятв 1666—1667 гг. и выработке предварительных условий воссоединения Церкви. Только после этого надлежало бы приступить к избранию Патриарха. Возможно, именно этими соображениями и была вызвана медлительность государя в вопросе Собора, и то, что Собор был созван сразу же после его свержения.

Безусловно положительной стороной Указа стало безпрепятственное дозволение отправления старообрядцами богослужений (ст. 6, 8), равно как и присвоение им имени «старообрядец» вместо доселе упоминавшегося «раскольник» (ст. 7), а также косвенное признание необходимости обучения старообрядческих детей в соответствующем духе (ст. 14). Однако та же ст. 14, равно как и ст. 1—4, п. 13, уравнивают старообрядцев в правах не с православными Греко-российской церкви, а с «инославными исповеданиями», т. е. римо-католиками и лютеранами, которым также предоставлялись большие, чем прежде, права, в частности в брачно-семейной области. Такое уравнивание не только не преодолевало раскол внутри русского народа, но в чем-то даже его усугубляло. Как указывал историк старообрядчества

Федор Мельников, законодательство предыдущих императоров, даже чисто антистарообрядческие законы Николая I, касались именно старообрядцев (пусть даже преследуя их), но не ставили коренных русских людей на один уровень с иностранцами. Такая постановка в Указе 1905 года как раз и была главным влиянием «принципов 1789 года», ставящих «права человека» выше правообязанностей народов и религиозных конфессий. Тем более это касается уравнивания «духовных лиц старообрядцев и сектантов» (ст. 9—10), «молитвенных старообрядческих и сектантских домов» (ст. 8). Включение сектантов — т. е. «штунды» (баптистов), толстовцев, молокан, духоборов и прочих — в один ряд со старообрядческими согласиями и «инославными христианами» фактически легализовало сектантство, причем часто вредное не только в религиозном, но и в чисто государственном отношении. Тот же самый Федор Мельников указывал, что все это фактически было сделано в интересах именно сектантов. Крайне спорным было и включение в Указ положений о магометанах и ламаистах (буддистах) (ст. 15—16). По поводу этих исповеданий, видимо, следовало бы издать отдельные правовые акты. В особенности это касается «ламаистов» — ввиду активно начатой Николаем II политики взятия под покровительство Тибета и Северного Китая (что было очень сильной стороной деятельности императора и полностью отвечало геополитическим интересам России). Но одинаковая «равноудаленность» в отношении старообрядцев, инославных, сектантов, магометан и ламаистов в реальности оказывалось в интересах инославия и сектантов, а следовательно, накануне мировой войны — иностранных держав.

Однако самое главное в другом. Указ «Об укреплении начал веротерпимости» следует рассматривать вместе с последовавшим за ним «Манифестом 17 октября», а именно в связи с неопределенным юридическим положением самой императорской власти. Если император в соответствии с не отмененным законодательством Петра I, Екатерины II и Павла I оставался фактическим главой Греко-российской церкви, то подчинение его (пусть пока косвенное) Государственной думе ставило Православную церковь в зави-

симость уже не от императора — что при соответствующем истолковании канонического права, например, в духе профессора Суворова еще возможно, — но в зависимость от «демократического элемента» властной структуры. Исходя из этого, Лев Тихомиров указывал на то, что инославные исповедания — римо-католицизм и протестантизм — подчиненные собственным властям и начальствам, оказались в привилегированном положении по сравнению с Православием, теперь фактически лишенном своего главы даже в лице императора.

Следует повторить: действуя в совершенно правильном направлении, император Николай II в то же время оказался заложником многовекового «романо-германского пленения» (по выражению князя Н. С. Трубецкого). Его личная трагическая судьба и мученическая смерть были неизбежными следствиями такого пленения. Но сегодня мы должны думать не столько о прошлом, сколько о настоящем. В чем же значение Указа для сегодняшнего дня? Мы, единоверцы, пребывая в лоне Русской православной церкви Московского Патриархата и соблюдая при этом старые обряды (их следовало бы называть «русскими обрядами»), рассматриваем Единоверие как задание на будущее, как, употребляя выражение нашего современника Александра Дугина, «старую веру для новой Руси». Если это так, то мы должны помнить, что именно после Указа 1905 года стало возможным также и открытое — на государственном уровне — обсуждение проблем Единоверия, в частности вопроса о Единоверческом епископате. Прекращение гонений на Белокриницкую иерархию поставило прямой вопрос об абсолютно безспорной и находящейся в единении со всем Вселенским Православием старообрядной иерархии в лоне Матери-Церкви. На Всероссийских единоверческих съездах эти вопросы были подняты открыто. Сегодня мы фактически вернулись к ситуации начала XX века — причем в чисто политическом отношении наша ситуация еще более сложна, чем тогда. Это тем более обязывает нас вычленив все положительные аспекты Указа 1905 года и руководствоваться ими ради сохранения Русской Церкви и самой Святой Руси.



ДРЕВНЕРУССКОЕ БЛАГОЧЕСТИЕ

АРХИДИАКОН ПАВЕЛ АЛЕППСКИЙ. ПУТЕШЕСТВИЕ АНТИОХИЙСКОГО ПАТРИАРХА МАКАРИЯ В РОССИЮ В ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

(Продолжение)

(из книги VI, главы XII. «...Праздник Крещения и крестный ход на воду»)

НАМ рассказывали, что во всей стране московской особенно торжественно справляют только два праздника в году, именно: Богоявление и Вербное воскресенье, как мы увидели впоследствии. В царственном граде делают огромный помост над этой рекой, ибо она течет подле стены царского дворца (Кремля). Царь и патриарх вместе с архиереями, настоятелями его (патриарха) монастырей и всеми священниками, кои идут попарно в облачениях, выходят из великой церкви большим крестным ходом к Фодали фрата, т. е. Водяным воротам. Царь следует за ними вместе со всеми вельможами своего государства, идя пешком в короне. Когда начнется служба, он обнажает голову, оставаясь так до конца при здешнем сильном холоде. Нам сообщали, что при прежних царях обыкновенно держали над их головой высокий купол, который несли

зо человек, для защиты от холода и снега; но сей благополучный царь по своей чрезвычайной набожности не позволяет этого, а остается с открытой головой, говоря, что холод и снег — милость от Бога, может ли кто отвратить их от царя? При погружении патриархом креста в третий раз бывает большое ликование. Уже раньше прорубается на этой реке множество отверстий, в коих священники тотчас же крестят младенцев и мужчин, ибо этого дня ждут от года до года. Когда патриарх окропит царя и вельмож, последний возвращается в царских саних, обитых красным бархатом внутри и снаружи, с серебряными и золотыми гвоздями, попона лошади из сорока соболей; она идет в подарок конюху. Потом патриарх окропляет священников и присутствующих вельмож и возвращается с крестным ходом в церковь к обедне.

(из книги VII, глава I. «Москва. Въезд патриарха в столицу»)

В ДЕНЬ Сретения мы въехали в город Москву. Сначала вступили через земляной вал и большой ров, окружающие город, потом въехали во вторую, каменную стену, которую соорудил дед теперешнего царя, Феодор, коим насыпан также и земляной вал. Окружность вала 30 верст; он снабжен кругом деревянными башнями и воротами. Вторая же, каменная стена имеет в окружности семь верст. Затем мы вступили в третью, окружную стену, также из камня и кирпича, а потом в четвертую, называемую крепостью. Она совсем неприступна, с весьма глубоким рвом, по краям которого идут две стены и за которыми еще две стены с башнями и многочисленными бойницами. Эта крепость, составляющая дворец царя, имеет по окружности пять ворот; в каждом воротах несколько дверей из чистого железа, а посередине решетчатая железная дверь,

которую поднимают и опускают посредством машин. Все бойницы в стенах этого города имеют наклон к земле, так чтобы можно было стрелять в землю, и потому никак нельзя ни скрыться под стеной, ни приблизиться к ней, ибо бойницы весьма многочисленны.

По въезде нашем (в Кремль) через царские ворота нас поместили в каменном монастыре, что близ них, месте остановки патриархов; он во имя святых Афанасия и Кирилла Александрийских и другого Кирилла, известного под именем Белозерского, из их новых святых. Когда мы въехали в город, наши сердца разрывались, и мы много плакали при виде большинства домов, лишенных обитателей, и улиц, наводящих страх своим безлюдием, — действие бывшей тогда сильной моровой язвы. Наш владыка патриарх благословлял людей направо и налево, я же, архидиакон, вместе с архимандритом си-



дели, по обычаю, сзади у углов саней. Приехав на место, мы пали ниц и возблагодарили со многим славословием Всевышнего Бога, Который даровал нам милость и благоволил нам увидеть этот великий град, столицу, новый Рим, город церквей и монастырей, славный во всем мире, о коем мы расскажем, описывая его красоты, в своем месте. С нашей души спала великая забота, и мы много радовались; да и как могло быть иначе, когда мы, стремясь сюда, целые три года без десяти дней странствуем среди опасностей, страхов и трудов неопишуемых! Теперь же благодарим Бога вторично и молим Его, чтобы Он, как привел нас сюда целыми и невредимыми, так же облегчил нам и возвращение в свою страну с успехом и дал нам увидеть свои родные места.

Возвращаемся. К нам были приставлены от царя драгоманы для разговора и другие люди для исполнения наших поручений. Нашему владыке патриарху назначалось с царской кухни и царского стола ежедневно, во-первых, хлеб, затем рыба для четырех сортов кушанья, икра и много напитков: вишневая вода темно-красная и светлая, желтоватая и большие кувшины меда; для нас же доставлялся еженедельно большой бочонок меда, а для служителей квас, то есть напиток из вареных ржи и ячменя с опьяняющим хмелем.

Знай, что ни архиереи, ни вообще монахи отнюдь не пьют водки явно: на них наложен запрет от патриарха, и когда найдут кого пьяным, то бросают в тюрьму, бьют кнутом или выставляют на позор, ибо пи-

(из книги IX «Москва», глава I «Москва. Первая неделя Великого поста...»)

СРАННЕГО утра чистого понедельника до среды, в течение трех дней, не бывает у них ни купли, ни продажи, не открывают никаких лавок, ни масляных, ни в особенности таких, где продаются съестные припасы. По обычаю, царь и царица постятся эти три дня, усердно посещая службы в церквах ночью и днем, предаваясь молитвенному бдению, совершая поклоны и соблюдая строгое воздержание, как мы удостоверились теперь. Наконец, отстояв обедню в среду, царь разговелся сладким компотом, по вседневному своему обыкновению, причем послал его для раздачи всем своим вельможам. Затем он опять постился от этой ночи до позднего утра субботы, когда отстоял обедню, приобщился святых Таин, вкусил антидор и затем позавтракал. Во всю эту неделю никто не видит его лица, разве только случится важное событие в государ-

стве водки — поступок гнусный, может быть, хуже предлюбодеяния. Но торговцам, архиерейским служителям и родственникам назначается по две рюмки ежедневно.

Переводчики учили нас всем принятым порядкам, и кроме них решительно никто к нам не являлся, ибо существует обычай, что до тех пор, пока архиерей или архимандрит не представится царю и не будет допущен к руке, ни сам он не выходит из дому, ни к нему никто не приходит, так что и мы совсем не могли выходить из дому. Таков обычай. Наш владыка патриарх никогда не снимал с себя мантии и панагии, и никто даже из переводчиков не входил к нему иначе, как после доклада привратника, чтобы предупредить; тогда мы надевали на владыку мантию — посох же висел подле него, — и тот человек входил. Таков устав не только у архиереев, но и у настоятелей монастырей, ибо и они никогда не снимают с себя мантии и клобука, даже за столом, и мирянин отнюдь не может видеть их без мантии.

Тут-то мы вступили на путь усилий для перенесения трудов, стояний и бдений, на путь самообуздания, совершенства и благонравия, почтительного страха и молчания. Что касается шуток и смеха, то мы стали им совершенно чужды, ибо коварные московиты подсматривали и наблюдали за нами и обо всем, что замечали у нас хорошего или дурного, доносили царю и патриарху. Поэтому мы строго следили за собой не по доброй воле, а по нужде, и против желания вели себя по образу жизни святых. Бог да избавит и освободит нас от них!

Так же поступают в течение этой недели и все вельможи, неукоснительно посещая службы в своих церквах днем и ночью. Равно и все жители в течение ее не производят ни купли, ни продажи, но неопустительно присутствуют за Богослужением в своих (приходских) церквах. Царские ратники обошли питейные дома, где продают вино, водку и прочие опьяняющие напитки, и все их запечатали, и они оставались запечатанными до истечения пасхальной среды. Горе тому, кого встречали пьяным или с сосудом хмельного напитка в руках! Его обнажали в этот сильный холод и скручивали ему руки за спиной; палач шел позади него, провозглашая совершенное им преступление, и стегал его по плечам и спине длинной плетью из сырых бычьих жил: как только она коснется тела, тотчас же брызнет кровь. В таком положении водят человека по городу и за-

тем сажают в тюрьму на известное время, пока он не отбудет положенного срока. Особенно строгий надзор бывает за жителями в течение первой недели поста, по средам и пятницам, на Страстной неделе и в первые четыре дня Пасхи, чтобы люди не пьянствовали, а то их стегают без всякого милосердия и жалости. Царь со своими вельможами имеет обыкновение поститься также на Страстной неделе и вкушает пищу только вечером в Великий четверг, по принятии святых Таин, и снова постится до кануна Пасхи. В этой стране большие и знаменитые монастыри, как-то: Троицкий и иные имеют обыкновение присылать царю со своими монастырскими боярами, живущими в их подворьях, в столице, в виде благословения от монастыря прежде всего огромный черный ржаной хлеб, каковы обычно бывают монастырские хлебы; каждый хлеб несут на руках четверо-пятеро человек, словно большой жернов. Это есть благословение, часть от хлеба отцов. Еще подносят бочонок с квасом, который готовится из воды с рожью, — его употребляют как напиток — и бочку кислой капусты. Говорят, царь, принимая хлеб, целует его, как благословенный. То же они дарили царице, царевичу, их сыну, трем сестрам и трем дочерям (царя), каждой отдельно, на ее имя. Так у них принято делать ежегодно. То же дарили своему патриарху и нашему владыке патриарху, по распоряжению, данному им от царя. Бояре подносили хлеб, держа его перед собой на руках и говоря: «Архимандрит такой-то, такого-то монастыря бьет челом твоей святости до земли и подносит тебе от пищи своих братий-отцов», как у них принято. Наш учитель целовал хлеб, возлагал на него свою руку и брал от них. Точно так же подносили бочонок квасу и бочку кислой капусты. Они обошли и всех вельмож. Причина, почему они дарят этот черный хлеб, та, что он у них в большой чести и что от употребления его в пищу получается благословение. Поэтому первое, что кладут на стол за трапезой царя, есть этот хлеб. Также большинство их подарков своим вельможам состоит из этого хлеба: они говорят, что это их хлеб издревле и что прежде они не знали пшеницы; по этой причине предпочитают его белому, пшеничному хлебу. Мы видели, как возчики и другие простолюдины завтракали им, словно это была превосходная халва. Мы совершенно не в состоянии были его есть, ибо по причине большой величины хлебов внутри он не пропечен и бывает кисел, как уксус, да и за-

пах имеет такой же. Но москвиты привыкли к нему: по их словам, он придает силу и питательнее белого хлеба.

Квас варится из ржи или ячменя и пьют его вместо воды, так как во всей этой стране вообще не имеют обыкновения пить воду, разве только по нужде, вследствие чего число больных у них невелико. Мы под конец привыкли пить квас, потому что он холоден и питателен. Москвиты обыкновенно им завтракают, как будто это вино или превосходный напиток. Наконец мы привыкли к нему, и я его очень полюбил, ибо он весьма вкусен, освежает нутро, питателен и оставляет в глотке приятный вкус. Знай, что я, пробыв (здесь) семь месяцев, вовсе не пил воды, а все пил этот квас, мед, вишневую и яблочную воду. Москвиты завтракают квасом с раннего утра, кроша в него хлеб, как в вино, и напиваются им допьяна.

Что касается меда, то так как в нем распускают хмель, отнюдь не пьют его в течение этого поста, потому что он опьяняет. Поэтому нам доставляли от царя каждую субботу взамен меда большую бочку превосходнейшего напитка на все время поста, как было назначено.

Что касается устава их церквей, то в приходских церквях устав подобен монастырскому — ежедневно читают восемь кафизм из Псалтиря при рассвете, рано утром, по обычаю, и на каждом часе по кафизме. За вечерней и при каждом «Аллилуйя» взамен малых поклонов они делали большие до земли; точно так же каждый раз при «Святый Боже» и «Приидите, поклонимся». Мы кладем после трех больших двенадцать малых поклонов, а они делают все большие до земли, ибо в этот пост совсем не делают малых поклонов, но все большие до земли. Мы наблюдали в них веру, усердие и набожность чрезвычайные и многое другое, кроме этого, из-за чего, делая это вместе с ними, ради подражания им, мы терпели мучения.

Так как на этой неделе и все государственные сановники не выходили из своих домов, постоянно предаваясь молитвам, то мы не имели возможности сходить к кому-либо из них с подарками. Они приходили в церковь ежедневно, по звону в колокола, после шестого часа и выходили не раньше как по восьмом или по девятом часу, потому что службы продолжительны, особливо чтение кафизм, причем кладут все поклоны до земли.



(Продолжение следует)



История Единоверия

Н. ЗИМИНА. ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «ПУТЬ НА ГОЛГОФУ».

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СЯЩЕННОМУЧЕНИКА СИМОНА ЕПИСКОПА ОХТЕНСКОГО

(Продолжение)

ГЛАВА 5. НАЧАЛО ПАСТЫРСКОГО СЛУЖЕНИЯ. СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ЕДИНОВЕРИЯ

После окончания Академии будущий Уфимский Святитель остался в Казани. Он женился; сведения о супруге его чрезвычайно скудны: известно лишь, что звали ее Екатериной Федоровной и что в 1900 году ей было 18 лет от роду. 17 января 1900 года Преосвященным Антонием (Храповицким), епископом Чистопольским, Симеон Иоаннович Шлеев был рукоположен во священника к единоверческой Четырех-Евангелистовской церкви Казани.

Служение в этом храме было знаком особой милости Божией для отца Симеона, так как именно отсюда еще в сентябре 1797 года (то есть до официального принятия общих правил Единоверия) началось все казанское Единоверие, когда архиепископ Казанский Амвросий по просьбе старообрядцев предоставил в их распоряжение «стоящую в праздности» церковь во имя Четырех Евангелистов, что на углу Евангелистовской площади и набережной озера Кабан, а в ее настоятели, по избранию самого верующего народа, определил священника Екатерининской церкви Адмиралтейской слободы Казани Архипа Андреева «с дозволением ему совершать богослужение по старопечатным книгам».

Молодой настоятель отличался образованностью, проповедническим даром, глубоким знанием и пониманием древнего устава, крюкового пения, искренней любовью ко всему старообрядческому богослужебному чину.

«Священнику тяжело жить при единоверческом истовом устройстве приходской жизни, — писал отец Симеон позже. — Он должен служить и служить. Но не Христос ли говорил, что тот, кто хочет быть старей, да будет всем слуга!» В своей пастырской жизни такое служение батюшка считал обязательным.

* * *

1900-й год ознаменовался замечательным для единоверцев событием — 100-летним юбилеем учреждения Единоверия, который в казанских храмах праздновался с удивительным подъемом и молитвенным вдохновением. Празднование достославной даты было отнесено на воскресенье 29 октября — день синодального постановления по поводу Высочайшего утверждения правил Единоверия в 1800-м году. Программа торжеств была выработана общими силами обоих единоверческих приходов Казани, Никольского и Евангелистовского, и утверждена Казанским архиепископом Арсением (Брянцевым).

Отец Симеон так впоследствии описывал те дни: «Торжество столетия Единоверия в городе Казани началось с 28 октября, вечером. Накануне юбилея, отнесенного на 29 октября, было отслужено в Евангелистовском храме всенощное бдение, продолжавшееся с 5 1/2 часов до 1/4 ночи. Служение совершалось местным причтом, торжественно, с певцами обеих церквей, при пасхальном освещении».



Церковь Четырех Евангелистов града Казани.

Фото начала XX века



шении храма, в облачениях первой ризницы, при огромном стечении молящихся — как единоверцев, так и православных. Последние не нарушали обрядов и обычаев Единоверия: молились в два перста, попарно подходили к Евангелию и иконе, с земными поклонами принимали святительское помазание елеем, не выходили прежде отпуста из церкви, несмотря на продолжительность службы. Продолжительность всенощного бдения зависела от присоединения к воскресной службе службы святым апостолам-Евангелистам. Общего праздника в честь святых Евангелистов, как известно, нет, и вот в столетие Единоверия отец-настоятель их храма возымел мысль устроить им общую службу, хоть в юбилейный год. Это, конечно, еще более усилило церковное торжество праздника... «Положенные возгласы на литии, полиелеосе Владыка [служба совершалась при председательстве Преосвященного Иоанна, епископа Чебоксарского, второго vicария Казанской епархии] произносил по старопечатным книгам. Он также исполнял и все требуемые последними священными действия и движения... При виде Владыки, входящего в церковь и исходящего из нее с положением «седмипоклонного начала», знаменующегося притом двумя перстами и кланяющегося только в известное время по уставу, старообрядцы опытно убеждались в благодетельности Единоверия, спасительно соединяющего их с Церковью на старых обрядах».

На следующее утро, в сам день столетия Единоверия, предстоящие и молящиеся наполнили даже не один храм. «В знаменательное утро в истории казанского Единоверия единоверческие храмы еще с ранних часов начали оглашаться праздничным перезвоном.

Красный перебор церковных колоколов приглашал верующих к крестному ходу из Никольской единоверческой церкви в Евангелистовскую. Крестный ход совер-

шился при полном соблюдении древнего порядка несения святых икон, с величавой торжественностью, указывавшей на высокое религиозное настроение его участников. Ход начался архиерейским молебном в Никольской церкви и окончился святительским осенением креста у оградных врат Евангелистовского храма.

Божественная литургия была совершена в Евангелистовском храме... по архиерейскому чиновнику XVI—XVII вв. с выполнением всех его особенностей...

Молящихся и предстоящих было множество. Среди тех и других царил глубокая тишина. На их лицах было писано усердное внимание. Каждый следил за ходом Богослужения. Каждый верующий чувствовал себя членом церкви, имеющим в ней значение. Одушевленное одним чувством множество верующих и молящихся приподнимало настроение и простых зрителей Богослужения. Пение по древним напевам собрало немалое количество православных. Служение же архиерея «по-старинному» привлекло очень много старообрядцев, в конце концов заражавшихся возвышенным настроением самих единоверцев. У последних оно сказывалось во всем. Оно сказалося даже в убранстве храма. Храм, убранный по полу коврами, блещет сверху огнями. Пятиярусный иконостас, уставленный иконами в серебро-позлащенных ризах, высился далеко над головами, залитый светом пяти трехъярусных паникадил и пятидесяти подсвечников пред местными образами. За литургией, окончившейся в 1 час дня, следовал праздничный молебен святым 4-м Евангелистам с предварительной пред ним речью отца настоятеля храма священника Шлеева о «сущности Единоверия». В совершении молебна участвовало все служившее духовенство... После трех обычных многолетий, сказанных и пропетых одушевленно, было присоедине-



Симеон Иоаннович и Екатерина Феодоровна Шлеевы.

Фото 1900 года

ранстве храма. Храм, убранный по полу коврами, блещет сверху огнями. Пятиярусный иконостас, уставленный иконами в серебро-позлащенных ризах, высился далеко над головами, залитый светом пяти трехъярусных паникадил и пятидесяти подсвечников пред местными образами. За литургией, окончившейся в 1 час дня, следовал праздничный молебен святым 4-м Евангелистам с предварительной пред ним речью отца настоятеля храма священника Шлеева о «сущности Единоверия». В совершении молебна участвовало все служившее духовенство... После трех обычных многолетий, сказанных и пропетых одушевленно, было присоедине-



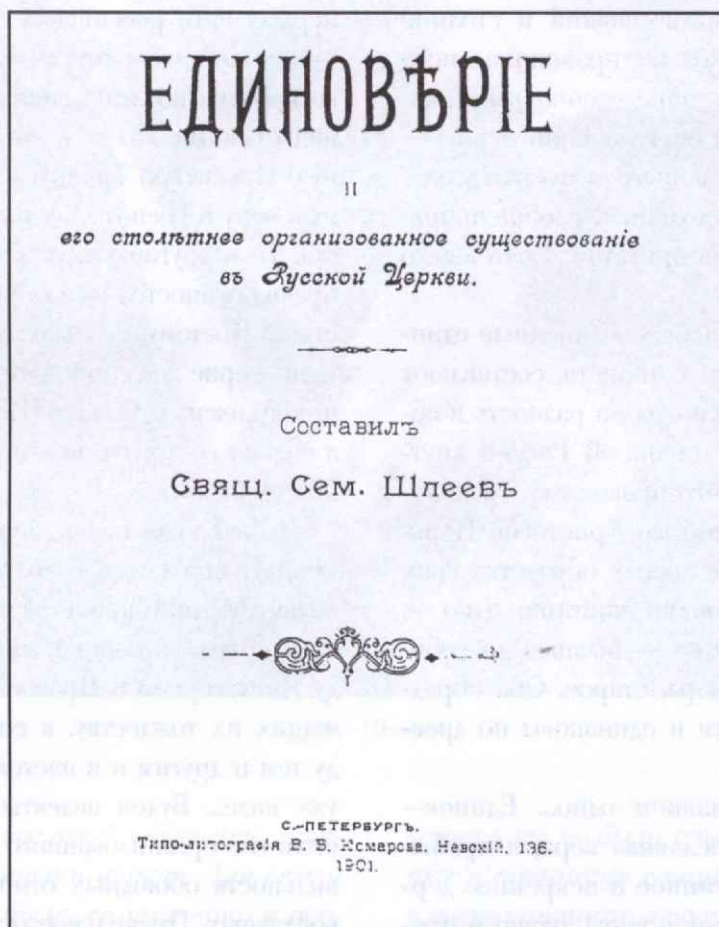
но нарочитое для сего случая четвертое многолетие «всем благочестивым ревнителям церковного примирения, держателям святого Единоверия».

Во время литургии состоялось награждение отца-настоятеля Евангелистовского храма Симеона Шлеева возложением набедренного со святительским возглашением «аксиос, аксиос, аксиос» (греч. «достойно»), — за его энергичные и плодотворные труды по устройению юбилейных торжеств. В тот же день вечером состоялось юбилейное чтение награжденного на тему «О сущности Единоверия и его истории», начавшееся в семь часов вечера и продолжавшееся до де-

вяти. Чтение, сопровождаемое пением, одушевило многих его слушателей. Возвышенное религиозное настроение, не покидавшее единоверцев целый день, в конце вечера заключилось троекратным лобзанием, как на Пасху. Православные и единоверцы на пороге нового столетия обнялись как братья, как равные дети единой, святой соборной и апостольской церкви. Последние строки, написанные в самом начале пастырской и церковно-общественной деятельности будущего Святителя, выразили заветную мечту и цель трудов всей его жизни.

ГЛАВА 6. «ЕДИНОВЕРИЕ И ЕГО СТОЛЕТНЕЕ ОРГАНИЗОВАННОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ В РУССКОЙ ЦЕРКВИ»

1901-й год ознаменовался для молодого единоверческого священника выходом в Санкт-Петербурге его первого печатного труда — книги «Единоверие и его столетнее организованное существование в Русской Церкви». Помимо описания юбилейных торжеств в Казани и изложения сказанных во время празднования речей, отец Симеон в виде краткого исторического очерка впервые публично излагает свои взгляды на Единоверие и его место в Русской Церкви. «До самого последнего времени в вопросе о сущности Единоверия господствовала такая спутанность понятий, — пишет он, — что человеку, не по-



Титул книги священника Симеона Шлеева «Единоверие и его столетнее организованное существование в Русской Церкви»

ним, но и многим духовным лицам. Первые вообще очень мало понимали во всем деле Единоверия, смешивая часто Единоверие с поповщинским расколом; вторые же смотрели на последнее очень двусмысленно, видя в нем, если тоже не раскол, то в крайнем случае нечто отдельное от Православия. Но Единоверие никоим образом не должно смешивать с расколом, потому что между тем и другим лежит громадное различие, различие существенное».

Весь труд молодого священника был посвящен объяснению православным сущности и значения Единоверия, его тождества с Православием, его равноблагодатности с ним. Когда вчитываешься сегодня в строки, написанные

священному в эту область знаний, в ней трудно было и разобраться. Разномыслие в воззрениях на Единоверие... свойственно не только светским правительствен-

ные отцом Симеоном, кажется странным, что столь очевидные истины требовалось кому-то разъяснять; наша Церковь уже «переболела» старообрядческим расколом,

изжила трагическое заблуждение смешения значимости догмата как неколебимой истины, которой нельзя поступаться, и обрядов, которыми различались общины верующих даже в первохристианские времена, как различаются разные поместные Церкви и поныне, что не мешало и не мешает им всем составлять единую соборную и апостольскую Церковь. Однако в начале XX века эти истины не казались столь очевидными — стоит только вспомнить приведенную выше заметку из старообрядческого журнала «Церковь». И дело здесь было не только в неверном понимании соотношения догмата и обряда, то есть не только в теории, но и в практике — в общей церковно-государственной политике. Государство опасалось нелояльности инообрядных своих граждан. Церковь опасалась влияния старообрядчества, представлявшего реальную силу и враждебного ей, на своих прихожан. Единоверцы в глазах православных являли собой часть этой враждебной силы. Потому прозвучавший в столице голос отца Симеона, всего только провинциального единоверческого священника, определенно высказавшего свои взгляды на старый обряд и Единоверие, — был по существу гласом вопиющего в пустыне, ведь его взгляды существенно расходились с общепринятыми и поддерживаемыми авторитетом Святейшего Синода.

«Единоверие и Православие, соединенные единством веры, священноначалия и таинств, составляют в существе одну Церковь, несмотря на разность в обрядах», — доказывал отец Симеон. «В России внутри одного и того же восточного православного исповедания и в недрах одной и той же Христовой Церкви находятся два равноправославных обрядства с их хранилищами — богослужебными книгами: одно — собором исправленное, а другое — бывшее до собора и, относительно этого собора, старое. Оба обрядства равны по православному и одинаковы по древности...»

Единоверие с Православием одно... Единоверие есть та же единая православная вера, и пребывание в Единоверии есть истинное и искреннее держание этой единой православной веры, равно и пребывающие в Единоверии несомненно истинно православные и истинно верующие сыны святой Церкви.

Единоверие, отличаясь от так называемого общеправославия несуществен-

ной разностью в обрядах, соединено с последним единством веры, таинств и священноначалия — такими крепкими узами, что первое и при разности в обрядах не может быть мыслимо отдельно от последнего, но то и другое одинаково равночестно входят в состав единой святой соборной и апостольской Церкви... В храмах православных и единоверческих един Господь, исповедуется едина вера, совершается едино крещение, приносится едина умилоостивительная безкровная жертва Христова, приемлется едино пречистое тело и кровь животворящая; словом, там и здесь одно и то же и одинаково все то, что живит и питает человека.

...Где есть единство веры в священные догматы и таинства, там этому внутреннему единению может ли препятствовать некоторое разнообразие во внешности? Мы принимаем в руководство священные и церковные книги в том виде, в каком они были во дни первых пяти российских патриархов. А православные принимают их в том виде, какой эти книги получили во времена последовавших пяти патриархов и Святейшего Синода. Но те и другие книги прославляют единую Пресвятую Троицу; и те и другие возвещают единую веру в Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Те и другие утверждаются на слове Божию и на правилах апостолов, соборов и отцов... Это ли не единство!.. Поэтому сколько несправедливости трактовать Единоверие как самостоятельное общество, которое не принадлежит к Русской Церкви, не входит в ее состав, а только состоит с ней в общении, как самостоятельная церковь...»

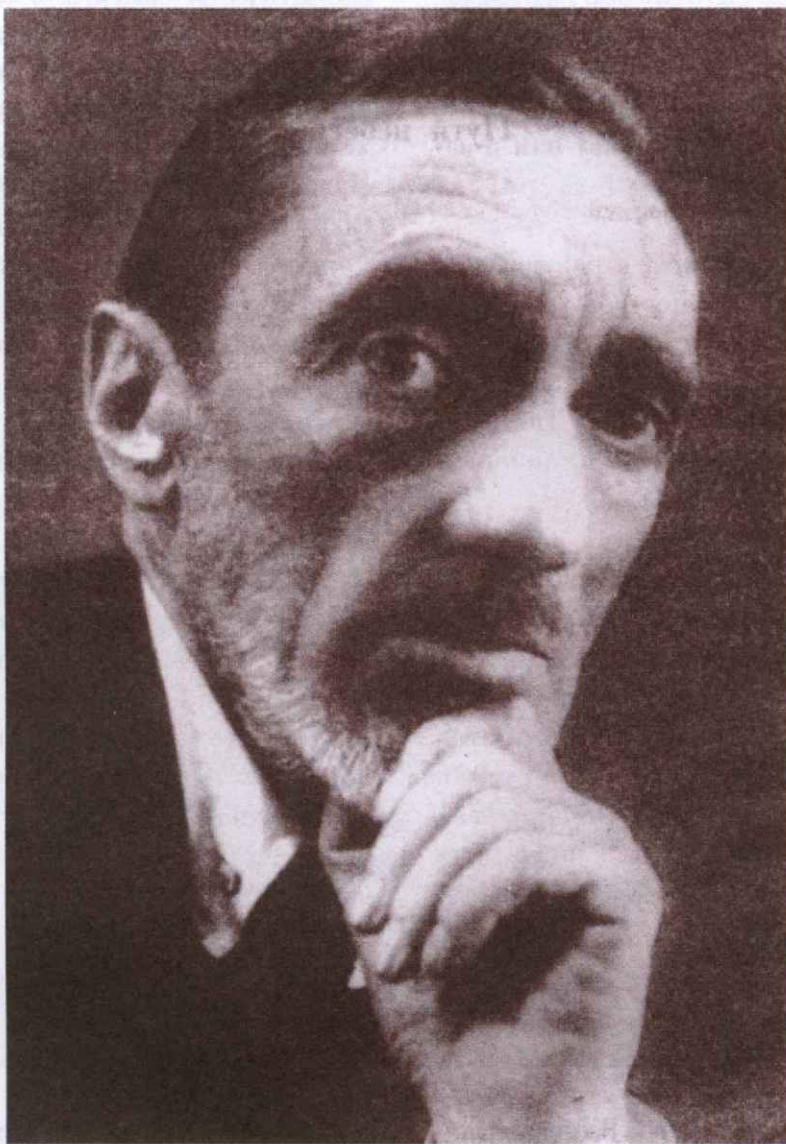
Завершая обзор истории Единоверия, отец Симеон написал: «Обстоятельства, препятствовавшие развитию примиренства старообрядцев с Церковью до 1800 года, причины, замедлявшие разрешение между Единоверием и Православием преград... противоречащих их тождеству, к сожалению, существуют между тем и другим и в настоящее время, хотя и не в том уже виде... Будем надеяться, что наступившее второе столетие организованного Единоверия установит правильность обоюдных отношений единоверцев и православных. Правильное отношение, без сомнения, вызовет соответствующее сущности Единоверия формулирование его правил, поведет к равночестному одинаковому употреблению на практике того и другого обряда, смотря по желанию верующих, без всяких стеснений...»

(Продолжение следует)

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

И. С. ШМЕЛЕВ. ПРАЗДНИКИ-РАДОСТИ

Имя писателя Ивана Шмелёва сегодня знакомо многим. Особый интерес для нас представляют страницы его творчества, описывающие православные традиции и быт старомосковских семей, к одной из которых принадлежал писатель. Детство своё будущий прозаик провёл в Замоскворечье, населённом преимущественно московским купечеством. Здесь был особый мир, где бытовали свои обычаи и культура, основанные на традициях русского православия. Особенностью мироощущения в этой среде было переплетение бытовых народных традиций, тесно связанных с календарным годом, и круга православных праздников. Собственно, сам образ жизни всех сословий напрямую зависел и не был отделён от жизни церкви. Для семьи будущего писателя это было характерно в осо-



И. С. Шмелёв

бенности, ибо были они выходами из гуслицких старообрядцев. Бабушка писателя Устинья была единоверкой. — Ревность к вере, богатый духовный опыт, близость к народной среде — всё это и формировало ту атмосферу, в которой рос юный Ваня Шмелёв. «Мы из торговых крестьян, — говорил о себе Шмелёв, — коренные москвичи старой веры». Избранные страницы из цикла «Лето Господне», представляемые нами читателям «Правды Православия», написаны автором от имени мальчика, вспоминающего самые яркие события своей жизни. События эти связаны непосредственно с церковным календарём. И хотя родители юного героя повествования уже не были старообрядцами, тем не менее дух и традиции старой Руси живо отражаются в воспоминаниях автора.

ФИЛИППОВКИ

ЗАВТРА заговинны перед Филипповками. Так Рождественский Пост зовется, от апостола Филиппа: в заговин-

ны, 14 числа ноябрю месяца, как раз почитание его. А там и Введение, а там и Николин День, а там... Нет, долго ещё до Рождества.

— Ничего не долго. И не оглянешься, как подкатит. Самая тут радость и начинается — Филипповки! — утешает Горкин. — Какая-какая... самое священное пойдешь, праздник на празднике, душе свет. Крестнаго на Лександру Невскаго поздравлять пойдём, пешком по Москва-реке, 23 числа ноября-месяца. Заговеемся с тобой завтра, пощенье у насъ пойдёт, на огурчиках — на капустке кисленькой-духовитой посидим, грешное нутро прочистим, — Младенца-Христа встречать. Введенье вступать станет — сразу нам и засветится.

— Чего засветится?

— А будто звезда засветится, в разумлении. Как-так, не разумею? За всенощной воспоют, как бы в преддверие, — «Христос раждается — славите... Христос с небесе — срящите...» — душа и возсияет: скоро, мол, Рожество!.. Такъ все налажено — только разумеи и радуйся, ничего и не будетъ скушно.

На кухне Марьюшка разбирает большой кулек, изъ Охотного Ряда привезли. Раскапывает засыпанных снежком судаков пылкого мороза, бело-пузыхъ, укладывает в снег, в ящик. Судаки крепкие, как камень, — постукивают даже, хвосты у нихъ ломкие, как лучинки, искрится на огне, — морозные судаки, седые. Рано судак пошел, ранняя-то зима. А под судаками, вся снежная, навага! — сизые спинки, в инее. Все радостно смотрят на навагу. Я царапаю ного-

ком по спинке, — такой холодок приятный, сладко немеют пальцы. Вспоминаю, какая она на вкус, дольками отделяется; и «зернышки» вспоминаю: по две штучки у ней в головке, за глазками, из перламутра словно, как огуречные семечки, в мелких-мелких иззубринках. Сестры их набирают себе на ожерелья, — будто как белые кораллы. Горкинъ наважку уважаетъ, — круп-ная-то какая она нонче! — слаще и рыбки нет. Теперь уж не сдаст зима. Уж коли к Филипповкам навага, — пришла настоящая зима. Навагу везут в Москву с далекого Беломорья, от Соловецких Угодников, рыбка самая нежная, — Горкинъ говорит — «снежная»: оттепелью чуть тронет — не та наважка; и потемнеет, и вкуса такого нет, как съ пылкого мороза. С Беломорья пошла навага, — значить, и зима двинулась: тамъ ведь она живет.

Заговины — как праздникъ: душу перед постом порадовать. Так говорят, которые не разумеют по духовному. А мы с Горкиным разумеем. Не душу порадовать, — душа радуется посту! — а мамону, по слабости, потешить.

— А какая она, ма-мона... грешная? Это чего, ма-мона?

— Это вот самая она, мамона, — смеется Горкин и тычет меня в живот. — Утро-ба грешная. А душа о посте радуется. Ну, Рожество придет, душа и возсияетъ во всей чистоте, тогда и мамоне поблажка: радуйся и ты, мамона! <...>

РОЖЕСТВО

РОЖЕСТВО уже засветилось: как под Введенье за все-нощной «Христос раждается, славите: Христос с небесе, срящите...» — такъ сердце и заиграло, будто в нем свет зажегся. Горкин меня за-года укреплял, а то не терпелось мне, скорей бы Рожество приходило, все говорил вразумительно: «нельзя сразу, а надо приуготовляться, а то и духовной радости не будет». <...>

...Стали на крылосе петь, сразу и зажглось паника-дидло, — уж светится, будто, Рожество. Иду ото все-нощной, снег глубокий, крепко морозом прихватило, и чудится, будто снежок поет, весело так похрустывает — «Христос с небесе, срящите...» — такой-то радостный, хрящеватый

хруст. Хрустят и промерзшие заборы, и наши дубовые ворота, если толкнуться плечиком, — веселый, морозный хруст. Только бы Николина дня дожидаться, а тамъ и рукой подать: скатишься, как под горку, на Рожество. <...>

...Близится Рожество: матушка велит принести из амбара «паука». Это высокий такой шестъ, и круглая на нем щетка, будто шапка: обметать паутину из углов. Два раза в году «паука» приносят: на Рожество и на Пасху. Смотрю на «паука» и думаю: «бедный, целый год один в темноте скучал, а теперь, небось, и он радуется, что Рожество». И все радуются. И двери наши, — моютъ их теперь к Празднику, — и медные их ручки, чистят их мятой бузиной, а потомъ обматывают тряпочками, чтобы не захвата-



ли до Рождества: в Сочельник развяжут их, оне и засияють, радостные, для Праздника. По всему дому идет светливая уборка...

... «Белять» ризы на образах: чистят до блеска щеточкой с мелком и водкой и ставят «праздничные», рождественские, лампадки, белые и голубые, в глазках. Эти лампадки напоминают мне снег и звезды. Вешают на окна свежие, накрахмаленные, шторы, подтягивают пышными сборками, — и это напоминает чистый, морозный снег. Изразцовые печи светятся белым матом, сияют начищенными отдушниками. Зеркально блестять паркетные помы, пахнущие мастикой с медовым воском, — запахом Праздника. В гостиной стелят «рождественский» ковер, — пышные голубые розы на белом поле, — морозное будто, снежное. А на Пасху — пунсовые розы полагаются, на алом. <...>

В Сочельник обеда не полагается, а только чаек с сайкой и маковой подковкой. Зажжены все лампадки, настланы новые ковры. Блестят развязанные дверные ручки, зеркально блестит паркет. На столе в передней стопы закусовых тарелок, «рождественских», в голубой каемке. На окне стоят зеленые четверти «очищенной», — подносить народу, как поздравлять с Праздником придут. В зале — парадный стол, еще пустынный, скатерть одна камчатная. У изразцовой печи, — пышет от нее, не дотронуться, — тоже стол, картонный-раскрытый, — закусовой: завтра много наедет поздравителей. Елку еще не внесли: она, мерзлая, пока еще в высоких сенях, только после всеобщей ее впустят.

Отец в кабинете: принесли выручку из бань, с ледяных катков и портмоен. Я слышу знакомое почокиванье медяков и тонкий позвонец серебра: это он ловко отсчитывает деньги, ставит на столе в столбики, серебро за-

вертывает в бумажки; потом раскладывает на записочки — каким беднякам, куда и сколько. У него, Горкинъ сказывал мне потайно, есть особая книжечка, и в ней вписаны разные бедняки и кто раньше служил у нас. Сейчас позовет Василь-Василича, велит заложить беговые санки и развести по углам-подваламъ. Так уж привык, а то и Рождество будет не в Рождество.

У Горкина в каморке теплятся три лампадки, медью сияет Крест. Скоро пойдем ко всеобщей. Горкин сидит перед железной печкой, трет ногу, — что-то побали-

ваеть она у него, с мороза, что ли. Спрашивает меня:

— В Писании писано: «и явилась в небе многая сонма Ангелов...» кому явилась?

Я знаю, про что он говорит: это пастухам ангелы явились и воспели — «Слава в вышних Богу...»

— А почему пастухам явились? Вот и не знаешь. В училищу будешь поступать, в гимназию... папашенька говорилъ намени... у Храма Христа Спасителя та училища, гимназия, красный дом большенный, чугунные ворота. Там те батюшка и спросит, а ты и не знаешь. А он строгий, отец благочинный нашего сорока, протоерей Ко-

пьев, от Спаса-в-Наливках... он те и погонит-скажет — «ступай, доучивайся!» — скажетъ. А потому, молъ, скажи... Про это мне вразумление от отца духовного было, он все мне растолковал, отец Валентин, в Успенском Соборе, в Кремле, у-че-ный!.. проповеди как говорит!.. Запомни его — отец Валентин Анфитиятров. Сказал: в стихе поется церковном: «истинного возвещают Па-стыря!» Как в Писании-то сказано, в Евангелии-то.. — «Аз есмь Пастырь Добрый...» Вот пастухам первым потому и было возвещено. А потом уж и волхвам-мудрецам было возвещено: знайте, мол! А без Него и мудрости не будет. Вот ты и помни.



Михайловская Слобода. Рождество Христово — 2006



Идем ко всенощной. Горкин раньше еще ушел, у свещного ящика много дела. Отец ведет меня через площадь за руку, чтобы не подшибли на раскатах. С нами идут Клавнюша и Саня Юрцов, зайка, который у Сергия-Троицы послушником: отпустили его монахи повидать дедушку Трифоньча, для Рождества. Оба поют вполголоса стишок, который я еще не слышал, как Ангели ликуют, радуются человеку, и вся тварь играет в радости, что родился Христос. И отец стишка этого не знал. А они поют ласково так и радостно. Отец говорит:

— Ах, вы, Божьи люди!..

Клавнюша сказал — «все Божьи» — и за руку нас остановил:

— Вы прислушайте... как все играет!.. и на земли, и на небеси!..

А это про звон он. Мороз, ночь, ясные такие звезды, — и гу-уль... все, будто, небо звенит-гудит, — колокола поют. Дотога радостно поют, будто вся тварь играет: и дым над нами, со всех домов, и звезды в дыму, играют, сияние от них веселое. И говорить еще:

— Гляньте, гляньте!.. и дым, будто, Славу несет с земли... играет ка-кимь столбом!..

И Саня-зайка сталъ за нимъ говорить:

— И-и-и...грает... не-небо и зе-зе-земля играет...

И с чего-то заплакалъ. Отец полез в карман и чего-то им дал, позвякал серебредом. Они не хотели брать, а он велель, чтобы взяли:

— Дадите там, кому хотите. Ах вы, Божьи дети... молитвенники вы за нас, грешных... простосерды вы. А у нас радость, к Празднику: доктор Клин нашу знаменитую октаву-баса, Ломшачка, к смерти приговорил, неделю ему только осталось жить... дескать, отъ сердца помрет... уж и дышать переставал Ломшачок! а вот, выправился, выписали его намедни из больницы. Покажет себя сейчас, как «с нами Бог» грянет!..

Так мы возрадовались! а Горкин уж и халатик смертный ему заказывать хотел.

В церкви полным-полно. Горкин мне пошептал:

— А Ломшачок-то наш, гляди-ты... вон он, горло-то потирает, на крылосе... это, значит, готовится, сейчас «С нами Бог» во-всю запустить.

Вся церковь возсияла, — все паникадилы загорелись. Смотрю: разинул Ломшаков рот, назад головой подался... — все так и замерли, ждут. И так ах— нуло — «с нами Бог»... — как громом, так и выиграло сердце, слезами даже зажгло в глазах, мурашки пошли в затылке. Горкин и молится, и мне шепчетъ:

— Воскресь изъ мертвыхъ нашъ Ломшачокъ... — «разумейте, языцы, и покорийтесь... яко с нами Бог!»

И Саня, и Клавнюша — будто возсияли, от радости. Такого пения, говорили, еще и не слышали: будто все Херувимы-Серафимы трубили с неба. И я почувствовал радость, что с нами Бог. А когда запели «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разумный...» — такое во мне радостное стало... и я, будто, увидел вертеп-пещерку, ясли и пастырей, и волхвов... и овечки, будто, стоят и радуются. Клавнюша мне прошептала:

— А если бы Христа не было, ничего бы не было, никакого света-разума, а тьма языческая!

Заходим к Горкину, а у него кутья сотовая из пшенички, угостил нас — святынькой разговеться. И стали про Божественное слушать. Клавнюша с Саней про светлую пустыню сказывали, про пастырей и волхвов-мудрецов, которые все звезды сосчитали, и как Ангели пели пастырям, а Звезда стояла над ними и тоже слушала ангельскую песнь.

Горкин и говорит, — будто он слышал, как отец давеча обласкал Клавнюшу с Саней:

— Ах, вы, ласковые... Божьи люди!..

А Клавнюша опять сказал, как у бассейны:

— Все Божьи...

РОЖЕСТВО

Ко всенощной. Валенки наденешь, тулупчик из барана, шапку, башлычок, — мороз и не щиплет. Выйдешь — певучий звон. И звезды. Калитку тронешь, — так и осыплет треском. Мороз! Снег синий, крепкий, попискивает тонко-тонко. По улице — сугробы, горы. В окошках розовые огоньки лампадок. А воздух... — синий, серебрится пылью, дымный, звездный. Сады дымятся. Березы — белые виденья. Спят в них галки. Огненные дымы стол-

бами, высоко, до звезд. Звездный звон, певучий, — плывет, не молкнет; сонный, звон-чудо, звон-виденье, славит Бога в вышних, — Рождество.

Идешь и думаешь: сейчас услышу ласковий напев-молитву, простой, особенный какой-то, детский, теплый... И почему-то видится кровать, звезды.

*Рождество Твое, Христе Боже наш,
Возсия мирови Свет Разумный...*

И почему-то кажется, что давний-давний тот напев священный был всегда. И будет.



...Идешь из церкви. Все — другое. Снег — святой. И звезды — святые, новые, рождественские звезды. Рождество! Посмотришь в небо. Где же она, та давняя звезда, которая волхвам явилась? Вот она: над Барминихинным двором, над садом! Каждый год — над этим садом, низко. Она голубоватая, Святая. Бывало, думал: «Если к ней идти — придешь туда. Вот, прийти бы... и поклониться вместе с пастухами Рождеству! Он — в яслях, в маленькой кормушке, как в конюшне... Только не дойдешь, мороз, замерзнешь!» Смотришь, смотришь — и думаешь: «Волсви же со звездой путешествоуют!»

Волсви?.. Значит — мудрецы, волхвы. А, маленький, я думал — волки. Тебе смешно? Да, добрые такие волки, — думал. Звезда ведет их, а они идут, притихли. Маленький Христос родился, и даже волки добрые теперь. Даже и волки рады. Правда, хорошо ведь? Хвосты у них опущены. Идут, поглядывают на звезду. А та ведет их. Вот и привела. Ты видишь, Ивушка? А ты зажмурься... Видишь — кормушка с сеном, светлый-светлый мальчик, ручкой манит?.. Да, и волков... всех манит. Как я хотел увидеть!.. Овцы там, коровы, голуби взлетают по стропилам... и пастухи, склонились... и цари, волхвы... И вот, подходят волки. Их у нас в России много!.. Смотрят, а войти боятся. Почему боятся? А стыдно им... злые такие были. Ты спрашиваешь — впустят? Ну, конечно, впустят. Скажут: ну, и вы входите, нынче Рождество! И звезды... все звезды там, у входа, толпятся, светят... Кто, волки? Ну, конечно, рады.

Бывало, гляжу и думаю: прощай, до будущего Рождества! Ресницы смерзлись, а от звезды все стрелки, стрелки... Зайдешь к Бушую. Это у нас была собака, лохматая, большая, в конуре жила. Сено там у ней, тепло ей. Хочется сказать Бушую, что Рождество, что даже волки добрые теперь и ходят со звездой... Крикнешь в конуру — «Бушуйка!» Цепью загремит, проснется, фыркнет, посунет мордой, добрый, мягкий. Полизет руку, будто скажет: «да, Рождество». И — на душе тепло, от счастья. <...>

И в доме — Рождество. Пахнет натертыми полами, мастикой, елкой. Лампы не горят, а все лампадки. Печки трещат-пылают. Окна совсем замёрзли. Отблескивают огоньки лампадок — тихий свет, святой. В холодном зале таинственно

темнеет елка, еще пустая, — другая, чем на рынке. За ней чуть брезжит алый огонек лампадки, — звездочки, в лесу как будто... А завтра!

...Топотом шумят в передней. Мальчишки, славить... Все мои друзья: сапожниковы, скорнячата. Впереди Зола, тощий, кривой сапожник, очень злой, выщипывает за вихры мальчишек. Но сегодня добрый. Всегда он водит «славить». Мишка Драп несет звезду на палке — картонный домик, светятся окошки из бумажек, пунцовые и золотые, — свечка там. Мальчишки шмыгают носами, пахнут снегом.

— «Волхи же со Звездой путешествуют!» — весело говорит Зола.

*Волхов приючайте,
Святое встречайте,
Пришло Рождество,
Начинаем торжество!
С нами Звезда идет,
Молитву поет...*

Он взмахивает черным пальцем и начинают хором:

Рождество Твое, Христе Бо-же наш...

Совсем не похоже на Звезду, но все равно. Мишка Драп машет домиком, показывает, как Звезда кланяется Солнцу Правды. Васька, мой друг, сапожник, несет огромную розу из бумаги и все на нее смотрит. Мальчишка портного Плешкин в золотой короне, с картонным мечом серебряным.

Это у нас будет царь Кастинкин, который царю Ироду голову отсекает! — говорит Зола. — Сейчас будет святое приставление! — Он схватывает Драпа за голову и устанавливает, как стул. — А кузнечочок у нас царь Ирод будет! <...>

Позванивает в парадном колокольчик, и будет звонить до ночи. Приходит много людей поздравить. Перед иконой поют священники, и огромный дьякон вскрикивает так страшно, что у меня вздрагивает в груди. И вздрагивает все на елке, до серебряной звездочки наверху. <...>

В детской горит лампадка. Красные язычки из печки прыгают на замерзших окнах. За ними — звезды. Светит большая звезда над Барминихинным садом, но это совсем другая. А та, Святая, ушла. До будущего года.

БОГОСЛУЖЕНИЯ В ХРАМЕ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА В ФЕВРАЛЕ

Дата	День недели	Время	Богослужение
3	пятница	17:00	Вечернее Богослужение
4	суббота	07:00 17:00	Божественная Литургия. Святого апостола Тимофея Всенощное бдение
5	воскресенье	07:00	Божественная Литургия. Святого священномученика Климента, епископа Анкирского
6	понедельник	17:00	Вечернее Богослужение
7	вторник	07:00	Божественная Литургия. Иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинограда
8	среда	17:00	Вечернее Богослужение
9	четверг	07:00	Божественная Литургия. Перенесение честных мощей иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста, патриарха Царьграда
10	пятница	17:00	Вечернее Богослужение
11	суббота	07:00 17:00	Божественная Литургия. Перенесение честных мощей святого священномученика Игнатия Богоносца. Всенощное бдение
12	воскресенье	07:00	Божественная Литургия. Неделя о мытаре и фарисее. Иже во святых отец наших трех святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста
14	вторник	17:00	Всенощное бдение
15	среда	07:00	Божественная Литургия. Сретение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа
17	пятница	17:00	Вечернее Богослужение
18	суббота	07:00 17:00	Божественная Литургия. Святыя мученицы Агафии Всенощное бдение
19	воскресенье	07:00	Божественная Литургия. Неделя о блудном сыне
24	пятница	17:00	Панихида. Вечернее Богослужение
25	суббота	07:00 17:00	Божественная Литургия. Суббота Мясопустная. Память всех усопших православных христиан, отец и братии наших. Всенощное бдение
26	воскресенье	07:00	Божественная Литургия. Неделя Мясопустная

2/15 ФЕВРАЛЯ – ПРАЗДНИК СРЕТЕНИЯ

ГОСПОДА БОГА И СПАСА НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА

ИЗДАНИЕ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ ХРАМА АРХАНГЕЛА МИХАИЛА

Главный редактор: св. игумен Иринарх
Ответственный за выпуск: диакон Е.Н. Саранча

Заведующий производством: И.В. Краев
Корректоры: М.Н. Душин, А.И. Титова, А.И. Краева

Телефон редакции: (095) 510-51-24, e-mail: edinoverie@mtu-net.ru
(2006 год, выпуск 1)

Ваши пожертвования на приобретение данного издания будут использованы на нужды воскресной школы храма Архангела Михаила и издательскую деятельность нашего прихода.

Дорогие читатели, низжайше просим Вас после прочтения очередного номера нашего издания не использовать его ненадлежащим образом, памятуя о том, что в нем находятся священные изображения и надписания священных имен Господа Иисуса Христа, Пресвятыя Богородицы и святых угодников Божиих.

Если небрежением или по незнанию сделали что неправильно или неуклюже, Вы, православные христиане, простите нас, Христа ради, да и Вас простит Господь Бог наш. Аминь.